

УДК 82
ББК 80/84

А.С. Панова
Anastasiia S. Panova

**Архетип двойничества в романе Питера Хёга
«Женщина и обезьяна»**
**Archetype of duality in Peter Hoeg's novel
«The Woman and The Ape»**

Аннотация: Целью нашего исследования является описание особенностей интерпретации архетипа двойничества в современной скандинавской литературе. Данный вопрос рассматривается на примере романа «Женщина и обезьяна» датского писателя Питера Хёга. Автор синтезирует элементы тотемистического культа и архаического мифа о близнецах, а также Ветхозаветные образы и мотивы, которые лежат в основе представлений древнего человека о происхождении мира.

Ключевые слова: архетип; двойничество; миф; Ветхий Завет.

Abstract: The aim of our research is identifying the peculiar properties of interpretation of the duality archetype in contemporary Scandinavian literature. This issue is discussed on the example of the novel «The Woman and The Ape» by Danish writer Peter Hoeg. The author synthesizes elements of totemistic cult and archaic myth of the twins, and the Old Testament images and motifs, which are the basis of the ancient people's views on the origin world.

Keywords: archetype; duality; myth; Old Testament.

У истоков происхождения мира у многих народов стоят близнецы-антагонисты (например, в Малайзии – То Кабинан и То Корвуву, в Северной Америке – Иоскеха и Тавискарон, в Иране – Ахурамазда и Агро-Майню [Иванов, 1988]). «Генезис близнечного двойничества можно обнаружить в мифологии, причем в ее наиболее архаическом массиве» [Агранович, Саморукова, 2001, с. 54]. В дальнейшем миф о близнецах трансформируется – появляются мифы о двойниках.

Исследованием интерпретации мифа о близнецах / двойниках в мировой литературе занимался Е.М. Мелетинский («О литературных архетипах» и «От мифа к литературе» [Мелетинский, 1994; Он же, 2001]. С.З. Агранович и И.В. Саморукова в работе «Двойничество» рассматривают архетип двойников, а также его варианты в русской литературе XVII–XX вв. [Агранович, Саморукова, 2001]. В статье «Интерпретация близнечного мифа в сказке О. Барфилда “Серебряная флейта”» А.С. Матвеева анализирует трансформацию образа близнецов в образ двойников [Матвеева, 2011]. В мировой литературе XXI в. интерпретация данного архетипа практически не изучена. Мы в своем исследовании обращаемся к современной скандинавской литературе и на примере романа Питера Хёга «Женщина и обезьяна» выявляем варианты трансформации архетипа двойничества.

В наши дни скандинавская литература переживает новый подъем, появляются новые имена, тексты издаются многомиллионными тиражами и переводятся на дру-

гие языки (в том числе и на русский). Одним из таких произведений стал избранный нами роман известного датского писателя Питера Хёга «Женщина и обезьяна» (1996 г., переведен на русский язык в 2003 г.).

Автор романа ставит цель – изучить человеческую природу, добраться до самой ее сути. В связи с этим П. Хёг обращается к представлениям о прародителях человеческого рода в традиционной культуре: к тотемистическому культу (раскрывая тем самым оппозицию человеческое / животное), к архаическому мифу о священных близнецах и ветхозаветным сюжетам и мотивам.

В романе разработана разветвленная система образов, в которой эти представления находят отражение. Все герои тесно переплетаются друг с другом, перед читателем развертывается система двойников.

Главные герои произведения датского писателя – это женщина Маделен и обезьяна Эразм. Они чужаки в этом мире, мире людей: обезьяна – это животное, а женщина – иностранка (датчанка). Ближе к концу романа мы узнаем, откуда именно обезьяна родом: *Этот Эразм был пойман на датском острове, который находится восточнее всех* (с. 101, здесь и далее ссылка дается на указанный русский перевод). И женщина, и обезьяна прибыли в Лондон из северной страны – Дании.

Они одиноки. Женщина совершенно одинока *в своём алкоголизме, как и в целом мире* (с. 11), а обезьяна заперта в клетке для исследований. В.Я. Пропп, вслед за Н.Н. Харузиным, считает, что: «<...> тотемное животное часто ловится и содержится в особом помещении» [Пропп, 2000, с. 132]. Можно предположить, что обезьяна Эразм, которого в начале романа поймали и посадили в клетку, – это вариант «<...> тотемного предка животного вида <...>» [Пропп, 2000, с. 210]. Тотемические черты проявляются и в образе обезьяны, и в образе Женщины. Прежде всего, это их зоо-антропоморфная природа.

Если животная натура обезьяны очевидна, то животные черты в образе женщины открываются по мере прочтения романа: *Она (Сьюзен) вспомнила, что всегда мысленно сравнивала Маделен с кошкой, – громко мурлычащим наэлектризованным бархатом, кошкой, которая, неожиданно всплыв, выбрасывает пять выкидных ножей на каждой лапке. Теперь за настойчивыми, заинтересованными расспросами подруги просматривались другие животные, менее элегантные, но более упрямые: баран, осёл, возможно, бык* (с. 15).

В романе представлены взаимоотношения Маделен и ее подруги Сьюзен, с которой она вместе училась. Автор описывает их как щенят одного помета: *Они выросли словно пара щенят; Для большинства из той стаи, к которой они принадлежали, странствие закончилось* (с. 14).

Между женщинами внутренняя связь: *Прошло двенадцать лет, прежде чем они снова встретились – в Лондоне. За эти двенадцать лет они ни разу не общались друг с другом, и всё же связь между ними никогда не прерывалась. И так же как в интернате они целые дни могли проводить каждая в своём углу кровати, не говоря ни слова, словно лисята, свернувшись клубочком и пребывая в уверенности, что*

второй находится рядом, так и после двенадцатилетней разлуки они чувствовали местонахождение друг друга (с. 15).

Женщинам присущи животные черты, это отсылает нас к тотемистическим представлениям о первопредке животного вида. Писатель изображает их как сестер (один помет, наличие внутренней связи), этот образ восходит к мифу об однополых близнецах.

Параллельно раскрытию животных черт в Женщине (и ее двойнике Сьюзен), в образе обезьяны подчеркиваются человеческие черты: *Она увидела <...> изогнутую, как у человека, зубную дугу <...>. В то мгновение, когда обезьяна открыла рот, не только её зубная дуга, всё её лицо на мгновение стало совсем человеческим <...>* (с. 25). Показателен и следующий контекст: *Посмотрите на лобную долю большого мозга (обезьяны), – сказал он. – Центр высших когнитивных функций. Это человек* (с. 48). Чем дальше разворачивается действие романа, тем больше обезьяна становится похожа на человека, но при этом, не утрачивая животных черт. Стоит отметить, что сам Эразм позиционирует себя как человека: *Мы называем себя «люди»* (с. 83).

Имя – атрибут человеческого мира, только человек дает имя всему (Адам в райском саду) и получает его при рождении. Эразм, как и человек, имеет имя: *В ящичке лежала полоска серой пластмассы. Маделен смутно припоминала, что эта полоска была на руке у обезьяны, когда та лежала на носилках. <...> Такие используются в больницах для идентификации трупов и новорождённых. На ней было написано «Эразм»* (с. 18).

В целом, между Женщиной и обезьяной много общего: *Теперь, находясь в клетке, она поняла, что <...> обезьяна, в своей терпеливой беспомощности, напомнила ей о ней самой* (с. 24–25), и далее: *Примат повторял её совершенно реалистично* (с. 25).

Как мы видим, пара Маделен-Эразм – это мифологические двойники, но при этом образ обезьяны восходит к представлениям о животном-первопредке, а образ женщины, как мы полагаем, ближе к ветхозаветной Еве (см. ниже).

Следующая пара в системе образов романа – Балли и обезьяна. Балли – это капитан судна, на котором обезьяну привезли в Лондон. Подобно Ною, Балли занимается перевозкой животных: *Балли всегда помещал животных, которых ему приходилось перевозить, на палубу, поскольку так было больше шансов, что они не умрут от морской болезни, и при таком способе транспортировки у него никогда не возникало особых сложностей* (с. 2).

Судно, которым управляет Балли, носит название «Ковчег». Автор отсылает нас к ветхозаветному сюжету о потопе. Ной, как спаситель всего живого на земле, выступает в качестве прародителя, праотца обновленного рода человеческого. Таким образом, роман Балли, функционально связанный с обезьяной, несет на себе печать первопредка.

В начале романа Эразм приплывает в Лондон на «Ковчеге», причем его прибытие связано с катастрофой: *Всё, что сознание людей на борту успело зарегистрировать, – это короткий крен и хлопок, похожий на пистолетный выстрел, когда*

гик разорвал две стальные ванты с левого борта. В следующее мгновение их всех сбросило в Темзу (с. 2). Если в романе судно чуть не затонуло, и люди оказались в воде, то в Библии этой катастрофой является потоп. Если на библейский «Ковчег» взошел Ной с семьей, взяв *каждой твари по паре*, то в романе на судне осталась одна обезьяна: <...> судно – носившее название «Ковчег» – продолжило свой путь к Лондону, теперь с обезьяной в качестве единственного пассажира (с. 2).

Следующая пара героев, на которых стоит обратить внимание, это женщина и Адам. Муж Маделен носит имя Первого человека – Адам. Подобно ветхозаветному Адаму он всему дает имя: *Адам Бёрден любил обозначать значительные и сложные феномены одним ясным определением* (с. 7).

Женщина в свою очередь сравнивается с Евой: *Она понимала, что <...> оказалась в такой же ситуации, в которой оказалась бы Ева в Райском саду, если бы она сразу же после своего появления на свет обнаружила, что Господь Бог собирается зайти слишком далеко, и решила бы остановить его. Она была бы озадачена и обеспокоена, как и Маделен в настоящий момент* (с. 39).

В иудео-христианской традиции Адам и Ева – прародители рода человеческого. В романе в качестве Адама и Евы представлены Маделен и ее муж. Стоит отметить, что ветхозаветный образ первых людей восходит к одному из вариантов близнецного мифа о близнецах-супругах.

В романе, помимо супруги Адама, представлена его сестра Андреа. Эта еще одна пара двойников. В Ветхом Завете женщина была сотворена из ребра Первого человека. Сюжет об Адаме и Еве восходит к архаическому мифу о священных близнецах, брате и сестре, т.е. Ева одновременно и супруга, и сестра ветхозаветного Адама. Андреа приходится сестрой Адаму Бёрдену, наличие кровнородственных связей с Адамом сближает ее с ветхозаветной Евой.

Создавая такую сложную систему тесно переплетающихся образов, П. Хёг исследует человеческую природу. Он ставит каждый раз героев перед судьбоносным выбором, когда каждый из них рискует самым главным: жизнью, семьей, карьерой. Каждый из них находится в пограничном состоянии. Но важно отметить, что у всех (Андреа, Адама и Балли), кроме Маделен, желание завладеть обезьяной в корыстных целях: *Если она (обезьяна) будет жить, – сказала она (Андреа), – я вас озолочу. – Но если она умрёт, вы можете тут же наполнить один из своих шприцев и покончить с собой* (с. 6).

Одним из ключевых сюжетных элементов в мифах о двойниках является мотив жертвенной смерти. Попав в мир людей, обезьяна находится на грани жизни и смерти: *Она умирает, – сказала женщина. – Будьте добры, помогите поднять её; <...> он наблюдал из окна, как обезьяну увозили в чёрном автомобиле, напомнившим ему о похоронных кортежах. Он сделал вывод, что обезьяна, наверное, умрёт <...>*» (с. 6). В.Я. Пропп отмечает, что в традиционной культуре: «<...> смерть принимала формы пространственного передвижения» [Пропп, 2000, с. 73], т.е. животное находится на грани жизни и смерти, когда попадает в мир людей. В романе то критическое состояние, в котором находится обезьяна, грозит реальной смертью: *Они (носилки) были покрыты тонкой голубой тканью, под которой*

Маделен различила очертания тела. Только голова мертвеца (обезьяны) не была закрыта, но пока что находилась в тени (с. 7).

Но и женщина предчувствует скорую гибель: Однажды ночью, когда Маделен сидела верхом на Эразме, она обнаружила, что они не одни. Она была не просто с ним, она была с двумя мужчинами, один был сейчас в ней, другой ласкал её, и она ощутила, закрыв глаза, кто был тот другой – это была Смерть (с. 75). П. Хёг отмечает, что героиня уже была на волосок от смерти: Маделен осознавала, что Адам спас её от неминуемой гибели среди родственников (с. 16). Вся ее жизнь – это череда смертей и воскресений: Каждое утро Маделен воскресала (с. 8).

Также важно отметить, что в первой половине романа все встречи женщины и обезьяны происходят на границе миров человеческого и животного (например, парк): Маделен и обезьяна наблюдали, как их изолировали от окружающего мира, из кроны липы, которая росла у памятника Спику рядом с Лонг-уотер, в северной части Гайд-Парка (с. 62). Женщина осознает, что им придётся балансировать на канате, проволоке, туго натянутой между разрушительным действием технологической цивилизации, с одной стороны, и досадным отсутствием удобств в природе, с другой стороны (с. 70). Маделен, злоупотребляющая алкоголем, находится в состоянии измененного сознания, в пограничном состоянии в течение долгого времени. Чтобы спасти обезьяну, она идет на преступление, пересекает границу дозволенного. Герои на протяжении всего романа находятся на границе: пограничное пространство, пограничное состояние, пограничное решение.

Смерть следует по пятам за главными героями. Но в отличие от классического близнечного мифа, в которых либо один, либо оба близнеца погибают, Маделен и Эразму удается спастись.

Сюжетообразующим мотивом близнечного мифа является мотив путешествия в иномирие. В.Я. Пропп в работе «Исторические корни волшебной сказки» утверждает, что «лес окружает иное царство, что дорога в иной мир ведет сквозь лес» [Пропп, 2000, с. 41], также он отмечает, что «жилище смерти имеет вход со стороны смерти» [Пропп, 2000, с. 43]. В традиционной культуре север ассоциируется с царством мертвых. Женщина и обезьяна направляются в лес на север, в иной мир: Вместо этого Маделен повела их на север. В направлении леса Святого Фрэнсиса, закрытого заповедника Лондонского зоологического сада, самого крупного в Европе научно-исследовательского центра разведения животных (с. 70). Не стоит забывать и того, что женщина и обезьяна родом из Дании – северной страны, это еще раз подтверждает тот факт, что они – представители иного мира.

Если ветхозаветные Адам и Ева были изгнаны из Эдема, то женщина и обезьяна, напротив, возвращаются в Рай: Лес Святого Фрэнсиса был заложен первым герцогом Бедфордским в XVI веке, в надежде, что получится копия райского сада (с. 72); Место, где оказались Маделен с Эразмом, было первым парком в Европе, который на самом деле стал похож на свой идеал. Не какой-нибудь уютный рай, а тот сад с животными, который должны были видеть Адам и Ева <...> (с. 73). Герои возвращаются в Эдем на «Ковчеге», т.е. судне, на котором обезьяна прибыла в Лон-

дон: *Маделен и обезьяна пожали руку Джонни, подошли к набережной и «Ковчегу» и вошли на борт* (с. 104).

Все путешествие героев схематично можно обозначить так: раздельное прибытие из своего (иного) мира в мир людей – встречи в пограничном пространстве – совместное возвращение в свой мир.

Женщина вступает в интимную связь с животным: *Маделен была очень мягкой, очень тёплой и очень готовой принять его в себя* (с. 71); *Эразм вошёл в неё с какой-то нежной жестокостью, по золотому срединному пути между болью и чувственностью* (Там же). Перед нами отголоски сюжета первой брачной ночи с тотемом, о котором говорит В.Я. Пропп в работе «Исторические корни волшебной сказки». Ученый отмечает, что «в эту ночь женщина оплодотворяется тотемным предком» [Пропп, 2000, с. 287].

Именно в тот момент, когда герои отплывают, женщина понимает, что она беременна: *И как раз в тот момент, когда она подняла обе руки вверх, она ощутила движение, которое впервые беременные женщины обычно не замечают, во всяком случае на такой ранней стадии беременности, но которое – она ни минуты в этом не сомневалась – было движением ребёнка, её с Эразмом ребёнка, пока что ещё похожего на рыбку и свернувшегося в океане околоплодных вод* (с. 104–105); *Эразм положил ладонь ей на живот. – А не может получиться ребёнок?* (с. 76). Ребенок Эразма и Маделен сравнивается с рыбой, он так же, как и родители, восходит к образу первопредка, причем первопредка обновленного человечества. Своего малыша женщина называет ангелом: *Возможно, это на треть Бог, на треть животное и на треть человек* (с. 105).

В романе «Женщина и обезьяна» автор синтезирует разные по форме, но близкие по содержанию традиции: тотемистические представления (представления о животном-первопредке) и архаический миф о близнецах, с одной стороны, и ветхозаветные сюжеты и образы праотцов (Адам и Ева, Ной), с другой. Автор, ставя перед собой онтологическую проблему, пытается добраться до самой сути человеческой природы. Для этого он обращается к первоосновам европейской (шире – человеческой) культуры: тотемизму, мифу о священных близнецах и Ветхому Завету. Автор, соединяя традиции, размывает их границы: Эразм – это и тотем, и Адам, и двойник. Через взаимоотношения женщины и обезьяны с другими персонажами создаются целостные сложные образы главных героев. Они всегда на грани: на грани мира людей и иномирия (Рая), жизни и смерти, человеческого и животного. В отличие от классического мифа о близнецах / двойниках, герои выживают и в конце романа возвращаются обратно в свой Рай.

Библиографический список

Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество: монография. – Самара: Самарский университет. – 2001. – 132 с.

Иванов В.В. Близнечные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия. – 1988. – 671 с.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт. – 2000. – 336 с.

Мелетинский Е.М. О литературных архетипах // Чтения по истории и теории культуры. – Вып. 4. – М.: Российский государственный гуманитарный университет. – 1994. – 136 с.

Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. – М.: Российский государственный гуманитарный университет. – 2001. – 168 с.

Матвеева А.С. Интерпретация близнечного мифа в сказке О. Барфилда «Серебряная флейта» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. – Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет. – 2011. – № 6 (2). – С. 418–421.

Источник

Хёг П. Женщина и обезьяна. – М.: Симпозиум. – 2014. – 288 с.

References

Agranovich S.Z., Samorukova I.V. Dvojnichestvo: monografija. – Samara: Samarskij universitet. – 2001. – 132 s.

Hjog P. Zhenshhina i obez'jana. – М.: Simpozium. – 2014. – 288 s.

Ivanov V.V. Bliznechnye mify // Mify narodov mira. Jenciklopedija: v 2 t. – T. 2. – М.: Sovetskaja jenciklopedija. – 1988. – 671 s.

Matveeva A.S. Interpretacija bliznechnogo mifa v skazke O. Barfilda «Serebrjanaja flejta» // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Filologija. – N. Novgorod: Nacional'nyj issledovatel'skij Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet. – 2011. – № 6 (2). – S. 418–421.

Meletinskij E.M. O literaturnyh arhetipah // Chtenija po istorii i teorii kul'tury. – Vyp. 4. – М.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. – 1994. – 136 s.

Meletinskij E.M. Ot mifa k literature. – М.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. – 2001. – 168 s.

Propp V.Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. – М.: Labirint. – 2000. – 336 s.

УДК 811
ББК 81

О.С. Ившина
Olga S. Ivshina

Творчество Сельмы Лагерлёф через призму автобиографического опыта

Oeuvre of Selma Lagerlöf through the prism of autobiographical experience

Аннотация: В статье анализируется автобиографическое творчество шведской писательницы Сельмы Лагерлёф. Выявляется роль детских воспоминаний в становлении С. Лагерлёф как писателя. Выделяются основные мотивы, нашедшие отражение в дальнейшем творчестве автора.

Ключевые слова: шведская литература; мемуары детства; мотив.

Abstract: The article analyzes the autobiographical oeuvre of the Swedish writer Selma Lagerlöf and reveals the role of her childhood memories in the writer's formation. The main motives reflected in her books are highlighted.

Keywords: Swedish literature; childhood memoirs; motive.